

ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 12 | Пятница, 8 (21) апрѣля 1905 г. | № 12

Подполковникъ 283-го пѣхотнаго бугульминскаго полка
П. И. Борсеневъ,
раненый въ бою подъ Мукденомъ.

Врачъ 11-го сибирскаго полка
С. О. Ивановъ,
награжденный „за храбрость" орденомъ св. Станислава.

Подполковникъ 1-го уссурійскаго желѣзнодорожнаг баталіона
Н. Т. Алексѣевъ,
герой Портъ-Артура, находится въ плѣну въ Мацуямѣ.

Представитель марокскаго султана Абдель-Малекъ привѣтствуетъ германскаго императора въ Танжерѣ 31-го марта.
Съ наброска англійскаго корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Л. Н. Толстой о сіонизмѣ.

Левъ Николаевичъ шелъ по парку, совершая свою утреннюю прогулку, и нарочно избѣгалъ тропочекъ и натоптанныхъ мѣстъ. Онъ шелъ быстро (я едва поспѣвалъ за нимъ) и напроломъ,—умѣло лавируя между деревьями и ловко, во-время нагибаясь подъ вѣтками зеленѣвшихъ липъ, тѣсно сгрудившихся и съ грозно нависшими шапками густой листвы, отъ которой исходила благоговѣйная тѣнь и тихая прохлада.

Бесѣда сначала шла о клерикализмѣ во Франціи (это было въ 1901 г.), а потомъ незамѣтно перешла на сіонизмъ.

* * *

— Это движеніе,—сказалъ Левъ Николаевичъ, когда мы вышли на поляну, — всегда интересовало меня не тѣмъ, что оно даетъ народу своему выходъ изъ тягостнаго положенія,—выхода этого оно не даетъ ему — а тѣмъ яркимъ примѣромъ огромнаго вліянія, которому могутъ поддаться иногда много пережившіе люди и испытавшіе въ своей жизни всю тщету извѣстной затѣи. — На нашихъ глазахъ старый, умный и многоопытный народъ, давно переболѣвшій одной изъ ужасныхъ болѣзней человѣчества,—теперь вновь заболѣваетъ ею.—Въ немъ вновь заговариваетъ жажда государственности и страстное желаніе править и играть роль. Вновь хочется обзавестись всей этой бутафоріей внѣшняго націонализма, съ войсками, знаменами и собственной формулой на заголовкахъ приговоровъ суда.

Мнѣ кажется только,—жаль, я не живу съ евреями и мало знаю этотъ народъ (вотъ вы это должны знать лучше меня),--мнѣ кажется только, что далеко не всѣ охвачены этой мрачной страстью, ведущей къ вѣрной гибели людей, путемъ разора и истощенія и неизбѣжной остановки работы духа, напрасно волнуемаго дикими желаніями насилій и захвата.

Я думаю, что этой болѣзнью возрожденія, а въ сущности, вырожденія,—заболѣли только краевые стебли народной нивы, наиболѣе слабая и податливая часть народа, любящая умствовать и завидующая ложному блеску европейскихъ націй.

Вожди движенія, сами не сознавая, впали въ ужасный грѣхъ отдѣленія себя отъ другихъ и нарочито утрамбовываютъ этотъ грѣхъ въ сознаніи людей, которымъ они представляютъ это дѣло совсѣмъ не въ томъ видѣ, какой оно на самомъ дѣлѣ имѣетъ.

Они все время твердятъ, что сіонизмъ—это прогрессивное движеніе народнаго духа, желающаго сбросить, наконецъ, оковы плѣна и дать возможность народу жить свободной самостоятельной жизнью на святыхъ холмахъ старины, гдѣ погребено ихъ великое прошлое. Кажется, вы сами мнѣ разсказывали про того проповѣдника, который въ Тулѣ, въ синагогѣ, билъ себя въ грудь и, рыдая, звалъ людей въ Палестину и говорилъ: „Мы тамъ увидимъ камень, на которомъ сидѣлъ Іаковъ и будемъ топтать дорогу, по которой ходилъ Авраамъ. Это будитъ чувства наши!“

Но въ томъ-то и ужасъ весь, что движеніе это и не прогрессивно и не народно и не будитъ никакихъ чувствъ.

Камень Іакова или тропинка Авраама—это такія далекія для духа метафоры, которые не могутъ поднять народъ и дать ему странническій посохъ въ руки. Народъ не археологъ и для раскопокъ онъ не двинется 10-тимилліонной ордой съ привычныхъ мѣстъ, гдѣ уже многія поколѣнія живутъ, и гдѣ онъ чувствуетъ себя болѣе роднымъ, чѣмъ среди камней Іакова и тропинокъ Авраама. Это видно на тѣхъ, которые уѣзжаютъ въ Америку и потомъ не выносятъ мукъ разлуки и, настрадавшіеся и истомившіеся, возвращаются опять и цѣлуютъ землю родины, черную землю той самой Россіи, которую они всетаки любятъ, несмотря на то, что желчные притѣснители до потери совѣсти и стыда стараются создать изъ жизни евреевъ полуадъ мученій.

Наконецъ, если бы память о святыняхъ Палестины была дѣйствительно такъ сильна и жажда жить тамъ была бы такъ присуща еврейскому народу, то, Боже мой, сколько случаевъ было за всѣ эти 1800 лѣтъ двадцать разъ вернуться туда и опять зажить на старыхъ мѣстахъ!

Но народъ сознательно не желалъ этого, какъ онъ не желаетъ этого впрочемъ и теперь. Да, и поэтому-то я и считаю сіонизмъ не народнымъ. Истинная глубина еврейскаго духа противъ обособленнаго территоріальнаго отечества. Онъ не хочетъ старой игрушки государства и разъ навсегда отказался отъ нея.

* * *

Я не могу безъ умиленія вспомнить сказаніе объ одномъ еврейскомъ мудрецѣ временъ Іерусалима. Онъ оказалъ большую услугу Веспасіану, и тотъ предложилъ ему просить все, что угодно, онъ все исполнитъ. Казалось бы, былъ прекрасный случай просить о снятіи осады и возвращеніи прежней свободы для страны. Но мудрецъ сказалъ: „Позволь мнѣ съ учениками моими удалиться въ городъ Ямнію и основать тамъ школу для изученія Торы“.

Дикъ и страненъ былъ этотъ отвѣтъ мудреца для озвѣрѣлаго въ походахъ и рѣзнѣ римлянина. Но это былъ сознательный, высокой силы и красивый отвѣтъ всего народа. Мудрецъ вѣрно понялъ сокровенную тайну духа его и требовалъ малаго на видъ. Но это малое было то горчичное зерно, которое меньше всѣхъ, но которое, на самомъ дѣлѣ, даетъ злакъ, размѣромъ большій всѣхъ.

Этотъ добровольный удѣлъ мудреца, эта мѣна тлѣна на духовное, есть наиболѣе величественный моментъ въ исторіи еврейства, моментъ еще не достаточно оцѣненный и, можетъ быть, еще даже не использованный самимъ народомъ. И народъ это чувствуетъ и всѣми силами противится, не желая ринуться въ старую авантюру, чуждую его душѣ.

* * *

Не земля, а книга сдѣлалась его отечествомъ. И это одно изъ великолѣпнѣйшихъ зрѣлищъ въ исторіи, лучшее призваніе, какое только можетъ пожелать себѣ человѣкъ. Погруженный въ эту книгу книгъ, онъ не замѣтилъ, какъ надъ его головой прошли вѣка, толпились и сметались народы съ лица земли, какъ новыя страны были открыты, и паръ заклокоталъ на землѣ, а черный ѣдкій дымъ фабричныхъ трубъ застлалъ ясное небо для людей, въ слѣпотѣ разгуливающихъ подъ густою сѣткой проволокъ, по которымъ нѣмая, но жестокая сила натираемаго янтаря разноситъ вѣсти одну другой жесточе, одну другой кровавѣе и безумнѣе, какихъ еще никогда не слышалъ міръ.

Этотъ шумъ каскадомъ несущейся въ пропасть культуры, разжигающей въ людяхъ только жалкое хотѣніе ничтожныхъ удобствъ, не коснулся ушей великаго странника, занятаго чтеніемъ великой книги. И только ѣдкая пѣна брызжущаго каскада силится захлестнуть святыя страницы и покрыть ихъ пятнами насмѣшки и невѣрія. А вожди сіонизма еще помогаютъ работѣ этой пѣны, величественно игнорируя религіозный вопросъ и выставляя на видъ одну только эмиграцію и политику, политику и эмиграцію.

— „Соберемся раньше со всѣхъ сторонъ,— говорятъ они,—а потомъ и религію выработаемъ“.

Это столько же неестественно и неумно, сколько и ненародно, и именно по отношенію къ евреямъ. Вспоминается великолѣпная глава второзаконія, гдѣ, послѣ громовыхъ словъ о проклятіи и благословеніи, молодой духъ нарождающагося народа проникновенно говоритъ слова глубокаго значенія: „Когда придутъ на тебя всѣ слова сіи—благословеніе и проклятіе, и примешь ихъ къ сердцу своему среди всѣхъ народовъ, въ которыхъ разсѣетъ тебя Господь, и обратишься къ Господу Богу твоему и послушаешь гласа Его, ты и сыны твои, отъ всего сердца твоего и отъ всей души твоей,—тогда Господь Богъ твой возвратитъ плѣнныхъ твоихъ и умилосердится надъ тобой и опять соберетъ тебя отъ всѣхъ народовъ, между которыми разсѣялъ тебя Господь Богъ твой, и приведетъ тебя въ землю, которою владѣли отцы твои, и т. д.

Вотъ чаяніе народа.

Прежде обратиться къ Богу, а Богъ уже самъ сдѣлаетъ свое дѣло и дастъ народу мѣсто и облагодѣтельствуетъ его болѣе, чѣмъ отцовъ. А вожди сіонизма разсуждаютъ иначе.

Они какъ бы помѣнялись ролями съ Богомъ. Они хотятъ собрать евреевъ отъ всѣхъ народовъ въ страну отцовъ, а тамъ уже Богъ позаботится о томъ, чтобы народъ обратился сердцемъ къ нему.

И Богъ говоритъ имъ:

— „Попробуйте! Сдѣлайте Мою работу“.

И отворачивается отъ нихъ.

И вотъ, въ тѣни Божьяго участія возникаютъ дѣтскіе колоніальные банки, игрушечные конгрессы съ малыми и большими comités, которые, никѣмъ не уполномоченные, ведутъ никому ненужные переговоры о дѣтскихъ хлопушкахъ въ родѣ чартера и милостей султана.

Народъ видитъ всю тщету этихъ затѣй и тоже отворачивается отъ этого движенія. Не Божье оно дѣло, слишкомъ много въ немъ человѣческаго, надуманнаго, рецептурнаго.

Вотъ почему, я слышу, раздаются даже проклятія среди раввиновъ, осуждающія сіонизмъ, какъ чуждое народу ученіе и грозящее ему большимъ несчастіемъ. И, право, несмотря на то, что это говорятъ ортодоксы, обыкновенно занимающіе темную позицію въ духовныхъ вопросахъ, но здѣсь еврейская ортодоксія стоитъ на твердой почвѣ и ея сопротивленіе вполнѣ законное.

* * *

Обычное мнѣніе, будто сіонизмъ содѣйствуетъ подъему національнаго самосознанія (такъ любятъ нынче выражаться адепты этого ученія), на самомъ дѣлѣ, какъ оказывается, не оправдывается.

Истинно-національнаго въ немъ ничего нѣтъ. Интересуясь этимъ вопросомъ, который пресса взбиваетъ, какъ женщины взбиваютъ бѣлокъ въ высокую, пышную пѣну, я просматривалъ нѣкоторыя сіонистскія изданія съ эмблемой въ видѣ двухъ переплетшихся треугольниковъ. Въ одной изъ этихъ книжечекъ мнѣ попалось изображеніе маленькой дѣвочки съ милымъ круглымъ лицомъ и съ пухлыми ручками, сложенными на груди. Глазки молитвенно смотрятъ вверхъ и бесѣдуютъ съ Богомъ въ синевѣ небесъ.

Подъ этой картинкой можно было бы смѣло подписать „Pater noster“, „Fater unser“, „Отче нашъ“ и вообще какой угодно европейскій переводъ знаменитой молитвы Христа, потому что лицо дѣвочки, выхоленное, изнѣженное, круглое, со всѣми наслѣдственными признаками арійской расы, населяющей Европу, меньше всего похоже на еврейское ди-

тя. Междутѣмъ, подъ картинкой надпись: „Ma tovu“,—т. е. первыя слова утренней еврейской молитвы.

Въ этой маленькой фальши ярко отразилась вся неудачливость националистической окраски, въ которую рядится сіонизмъ.

Онъ самъ кость отъ кости и плоть отъ плоти современнаго европеизма, его изнѣженное, слабое дитя, подражающее игрѣ старшихъ, создающихъ карточные домики государствъ, а на головѣ повязка съ надписью изъ еврейскихъ буквъ.

Неглубокое море народности, невысокой пробы національзмъ!

* * *

Но еще менѣе въ этомъ движеніи, скроенномъ на европейскій манеръ, передового духа. Нѣтъ характера прогресса, о которомъ такъ рѣчисто говорятъ на конгрессахъ.

И это поражаетъ больше всего.

Если вожаки сіонизма, вообще люди чуткіэ и умные, но далекіе отъ народа своего, не могли создать здороваго народнаго движенія, то ихъ въ этомъ винить нельзя. Они желаютъ что-то сдѣлать, но не въ состояніи. Если же эти самые люди, при всей своей чуткости ко всему передовому и выдающемуся,—не уразумѣли того, чѣмъ, дѣйствительно, движется высшая жизнь Европы и чѣмъ такъ сильны верхи европейскаго ума,—то этого ужъ имъ простить никакъ нельзя.

Повѣривъ, будто сила Европы въ ея государственности, т. е. пушечной силѣ со всѣми ужасами сопутствующаго ей милитаризма, они надумали и своего почтеннаго старца нарядить въ доспѣхи воина и дать ему штуцеръ въ руки.

Захотѣлось создать новое Judenstadt...

Вѣдь, теперь все лучшее въ Европѣ, да и въ Америкѣ все думающее сколько-нибудь правдиво и искренно, все это до глубины души возмущается безуміемъ и ужасами этой пучины, куда, очертя голову, летитъ кубаремъ одичалое человѣчество, называемое цивилизованнымъ.

Все свѣтлое, умное и не порабощенное страхомъ и деньгами, всѣми силами старается образумить людей и напомнить имъ, что вовсе не силой пушечной государственности сильно человѣчество, и не въ страсти обособляться и жить въ чуланчикахъ будущее для людей. Истинно передовое, истинно прогрессивное видитъ счастье людей какъ разъ въ обратномъ,—въ широкомъ единеніи и въ полномъ отсутствіи пушекъ и мортиръ и тѣхъ групповыхъ соединеній, которыя теперь только и держатся силою мортиръ и губятъ этимъ жизнь людей.

Противъ обособленной государственности вся разумная работа разумной части человѣчества.

А они хотятъ дать жизнь дичающему старью и называютъ такое дикое стремленіе прогрессомъ.

Это крупный грѣхъ. Это граничитъ съ хулой на самое святое, что есть теперь въ жизни у насъ.

Не государства намъ новыя нужны, а любящіе люди, видящіе въ любви своей призваніе жизни и служеніе Богу.

Грѣхъ ковать новые мечи и сѣять между людьми вражду и рознь.

А называть этихъ кроваво-красныхъ кузнецовъ людьми, служащими прогрессу,—двойной грѣхъ.

* * *

Еще можетъ быть извиненіе людямъ, живущимъ въ старомъ строѣ и по слабости не умѣющимъ сбросить съ себя это тяжелое иго вооруженнаго общежитія; еще можетъ быть споръ и колебаніе у человѣка, приросшаго больнымъ мѣстомъ къ привычнымъ, хотя и вреднымъ и ужаснымъ, порядкамъ жизни, — какъ привыкаютъ люди къ своимъ ранамъ и тяжелымъ затяжнымъ недугамъ,—но нарочито, на-ново, сознательно, съ горделивой бравадой и захлебывающимся волненіемъ начать постройку стараго ужаса и надѣть на цѣлый народъ подъ видомъ освобожденія тѣсный, жмущій и усѣянный углами хомутъ обособленной государственности, — это ужасно, этому имени нѣтъ!

Это гибель лучшихъ надеждъ и поруганіе лучшей святыни народа.

Что соблазнило ихъ, что имъ понравилось въ этомъ националистическомъ, а въ сущности, пушечно-солдатскомъ движеніи среди европейскихъ народцевъ, которымъ вожди сіонизма, очевидно, стараются изо всѣхъ силъ подражать? Игрушечная свобода Сербіи, гдѣ слово австрійскаго посланника больше значитъ, чѣмъ указы короля, и гдѣ на самомъ дѣлѣ вся свобода сводится къ безконечной рѣзнѣ и интригамъ между партіями и въ концѣ-концовъ къ разору крестьянства и истощенію земли, обремененной налогами для содержанія огромной оравы чиновниковъ и бутафорскаго войска, котораго можетъ хватить развѣ на два-три залпа небольшой батареи? — Это имъ нравится?

Или кажущаяся свобода Болгаріи, которая вылѣзла изъ кулька Стамбула и попала въ рогожку Стамбулова, и которая тоже, раздираемая смутами изъ-за временныхъ царьковъ, не ныньче—завтра попадетъ кому-нибудь въ ротъ?

Или Румынія, Македонія, Черногорія Критъ, Греція? Что нравится сіонизму? Я не говорю уже объ Италіи, Франціи, Англіи, Германіи и странахъ еще ближе къ намъ—гдѣ тоже стонъ стоитъ подъ небомъ отъ растерзываемаго тѣла народовъ, дичающихъ и переходящихъ въ нищенство, благодаря разору вооруженія и организаціи.

Эти народы, предчувствуя наступающее нищенство, набросились теперь на дальнія страны мирныхъ „некультурныхъ“ людей и хищнически стремятся забрать у нихъ все, что можно, и безсовѣстно поработить ихъ, какъ это мы видимъ въ Индіи, Африкѣ и Китаѣ...

* * *

Да что говорить!...

У кого только глаза открыты и умъ не ослѣпленъ,—тотъ ясно видитъ грозящее вырожденіе людей и полное оцѣпенѣніе ихъ духовной жизни, если кровожадный призракъ обособленнаго господства не будетъ развѣянъ силою разумной работы искреннихъ, правдивыхъ людей.

Никогда еще человѣчество не было близко къ такому поголовному истребленію и полному уничтоженію, какъ теперь, и никогда еще не было оно такъ удручено духомъ, благодаря сознаваемой ненужности и безцѣльности этихъ колоссальныхъ затратъ на колоссальное безуміе.

И этому содѣйствовать?! Сюда направлять работу людей и уговаривать ихъ тоже громоздить на безуміе безуміе?

Гдѣ же глаза сіонистовъ? Гдѣ ихъ совѣсть и разумъ развитый?! То здоровое зерно переселенческаго движенія, которое стремится разрѣдить скученность евреевъ и вернуть ихъ къ давно-забытому земельному труду, — это несомнѣнно чистое и прекрасное движеніе, которое теперь сіонисты выдаютъ за свое,—вовсе не принадлежитъ сіонизму. Стремленіе къ колонизаціи было и раньше, — сіонизмъ только дерзко узурпировалъ его и придалъ ему несвойственную и ненужную ему политическую окраску и этимъ совершенно затормозилъ возвратъ евреевъ къ землѣ. Былъ раздутъ призракъ еврейскаго государства, который напрасно только осложнилъ простое и ясное само по себѣ желаніе людей уйти изъ городовъ и взяться за единственно свойственную всѣмъ намъ здоровую, живую и честную Божью работу,—земельную.

И призракъ этотъ отбилъ охоту содѣйствовать переселенческому движенію у народовъ Европы и отбилъ охоту участвовать въ этомъ движеніи у самихъ евреевъ.

Слишкомъ рискованна авантюра и слишкомъ грозна будущность!...

И. Тенеромо.

Городъ милліоновъ.

(Отъ спеціально командированнаго сотрудника).

БАКУ, 21-го марта.

Существуетъ пикантная легенда.

Владѣтель Ширвана влюбился въ родную дочь и потребовалъ взаимности. Царевна рѣшилась пойти на хитрость:

— Выстрой высокую, высокую башню. Когда постройка будетъ закончена—я твоя.

Дочь думала, что время утѣшитъ преступную страсть хана.

Она ошиблась. Башня была воздвигнута, роковая ночь наступила.

Бушевалъ вѣтеръ. Вѣрная своему слову, царевна подала отцу условный знакъ. Но когда обезумѣвшій отъ долгаго ожиданія ханъ вбѣжалъ въ комнату, несчастная царевна бросилась къ окну, и сильный порывъ вѣтра унесъ ея въ морскую пучину...

Это случилось тамъ, гдѣ сейчасъ центръ бакинскаго экспорта: на берегу Каспійскаго моря, противъ пароходныхъ пристаней, стоитъ „Кизъ-Кали“.—Дѣвичья башня, съ вышки которой несчастная красавица на крыльяхъ вѣтра унеслась въ море...

„Ударъ вѣтра“—это древнее, персидское названіе Баку. Ударъ вѣтра. „Бакдубе“. Такъ въ древности персы называли городъ милліоновъ.

Nomen-omen.

Въ Баку все порывъ вѣтра. И безумная страсть отца къ дочери, и нефтяной ажіотажъ, заставляющій зарывать въ землю десятки милліоновъ, и „фонтанъ“, создающій въ недѣлю милліонеровъ, и ружейная пальба, четверо сутокъ имитирующая серьезный „военный эпизодъ“, и страсти, вспыхивающія какъ пороховой погребъ, куда неосторожно заносится искра...

Тѣмъ не менѣе, къ Баку больше подходило бы другое персидское опредѣленіе:

„Mechmanchano“—гостиница.

Весь городъ Баку, вся его жизнь представилась мнѣ въ видѣ одной грандіозной гостиницы.

Вы начинаете это чувствовать уже во Владикавказѣ, когда изъ очень плохихъ вагоновъ юго-восточныхъ ж. д. васъ переводятъ въ еще худшіе вагоны владикавказской ж. д.

Вы чувствуете, что оберъ-кондукторъ смотритъ на васъ съ презрѣніемъ:

— Тоже!.. Ѣдетъ въ Баку и не въ поѣздѣ милліонеровъ!..

„Поѣздъ милліонеровъ“—это экспрессъ, отправляющійся изъ Москвы только одинъ разъ въ недѣлю. Экспрессъ снабженъ всѣми удобствами и возможной роскошью. Въ другихъ поѣздахъ...

Изъ Ростова на Дону въ Баку поѣздъ идетъ двое сутокъ. Въ вагонахъ перваго класса не отпускаютъ постельнаго бѣлья. Доставать можно случайно. Съ пассажирами „оберы“ обращаются возмутительно. Допустимъ, въ

вагонѣ шесть пассажировъ. Открыто только два отдѣленія. Остальныхъ не открываютъ... Конечно, безвозмездно.

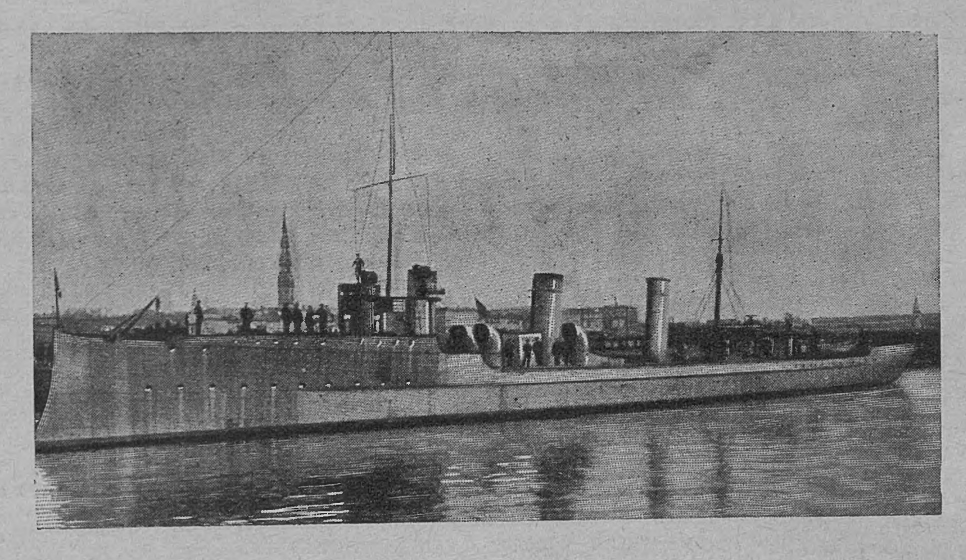
Вѣроятно, одна и таже идея:

— Не милліонеры... И такъ доѣдутъ!..

Всѣмъ извѣстно, что въ гостиницахъ серьезное вниманіе обращаютъ только на тѣхъ посѣтителей, которые бросаютъ безумныя деньги. Именно безумныя напримѣръ 37 руб. 50 к. за сокращеніе пути на 20 часовъ...

Въѣзжая въ Баку, вы недоумѣваете:

— Такой богатый городъ и такія грязныя улицы... Странные дома: не милліонеровъ, а нищихъ...

Минный крейсеръ „Украйна", сооруженный на добровольныя пожертвованія.

Станьте на мою точку зрѣнія и вы поймете.

Баку — гостиница. Въ Баку множество пришлаго элемента, много людей, явившихся сюда только за милліонами. Была имъ нужда обзаводиться хоромами, когда всѣми пришлыми бакинцами руководитъ только одно вожделѣніе: поскорѣе найти свой милліонъ и удрать отсюда.

Вы пріѣзжаете въ гостиницу. Также неуютно, какъ на улицахъ. Грязно, темно, мрачно, отвратительно и дорого.

Плохенькій номеръ стоитъ 5 — 6 рублей. Чашка чернаго кофе 20 к., десятокъ раковъ — рубль (на базарѣ сотня стоитъ 80 к.—1 р.), кусочекъ сквернаго мяса—восемь гривенъ.

Это обычныя цѣны?

Да. У насъ, въ Ростовѣ, въ Тифлисѣ—взимаютъ такія же цѣны... Но у насъ, въ Ростовѣ, въ Тифлисѣ—все сервировано опрятно, чисто, уютно. А въ Баку... наоборотъ.

Въ Баку прекрасные извозчики: парные фаэтоны, некрасивыя, но быстробѣгущія лошади, грязные, ободранные возницы и не дорого: любой конецъ—двугривенный, часъ—шесть гривенъ.

Поѣзжайте на фаэтонѣ въ Балаханы и обратно. Ѣзды два часа. Возница не стѣсняется спросить десять рублей.

И платятъ: въ дорогѣ привыкли мало считаться съ „такими расходами".

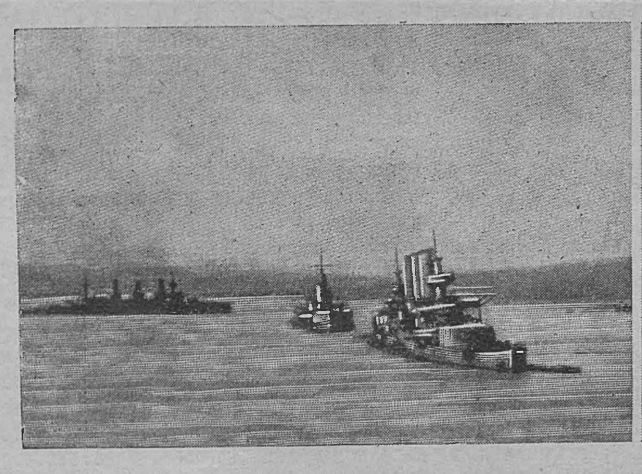
Въ Баку нѣтъ собственныхъ экипажей. Бакинцы утверждаютъ противное. Но за восемь дней я видѣлъ въ Баку только одну собственную пролетку С. Г. Ліанозова. Да знаю еще, что есть собственный экипажъ у бакинскаго (пришлаго) коммерсанта К. Е. Гюнтера. Больше не видалъ и не знаю. Хотя перезнакомился въ Баку со всѣми.

Отсутствіе собственныхъ экипажей тоже понятно. Пріѣзжая въ городъ на время, притомъ время совсѣмъ неопредѣленное, какая охота, даже милліонерамъ, обзаводиться экипажами, богатой обстановкой?..

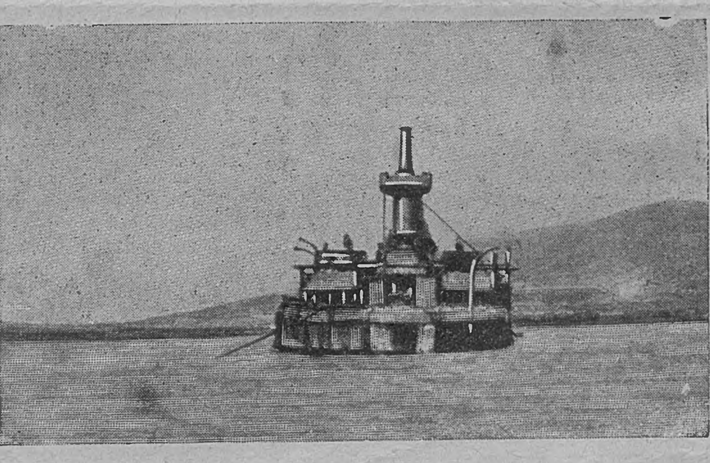
Въ городѣ милліоновъ я видѣлъ богатую обстановку только въ домахъ мусульманъ. Это народъ не пришлый. Они проживаютъ свои милліоны въ Баку. А въ домахъ армянъ, русскихъ, нѣмцевъ—тоже милліонеровъ, но еще не снявшихся съ якоря, потому что количество милліоновъ не достигло еще опредѣленнаго предѣла.

Дѣйствительную и вмѣстѣ съ тѣмъ сказочную роскошь я видѣлъ въ домѣ Гаджи.

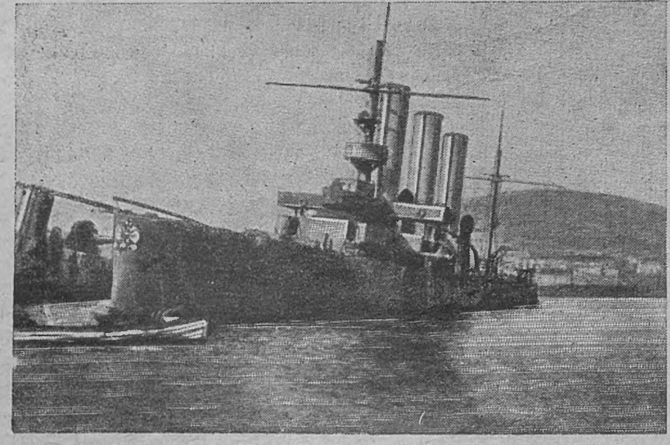
„Гаджи" это мусульманинъ, побывавшій на поклоненіи въ Меккѣ. Въ Баку есть много

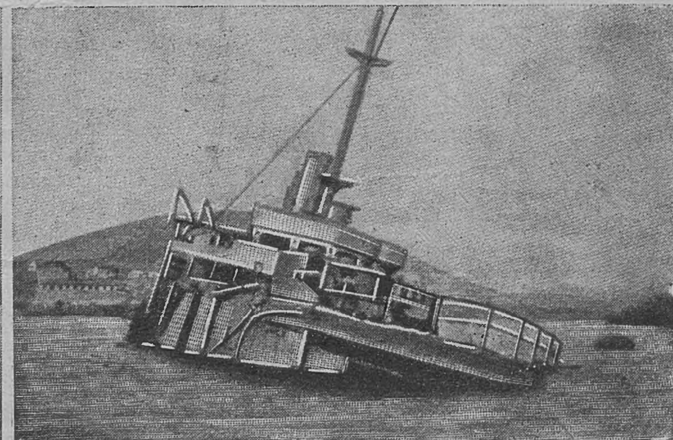
Броненосецъ „Ретвизанъ".

Броненосецъ „Пересвѣтъ".

Крейсеръ „Паллада".

Броненосецъ „Побѣда".

Положеніе затопленныхъ нами въ Портъ-Артурѣ судовъ въ настоящее время.

Гаджи. Но надо сказать: Гаджи Асадулаевъ, Гаджи Дадашевъ. Если вы говорите просто: „Гаджи сказалъ, у Гаджи собрались, надо посовѣтоваться съ Гаджи“—то это значитъ:

Гаджи Зейналъ Абдинъ Тагіевъ.

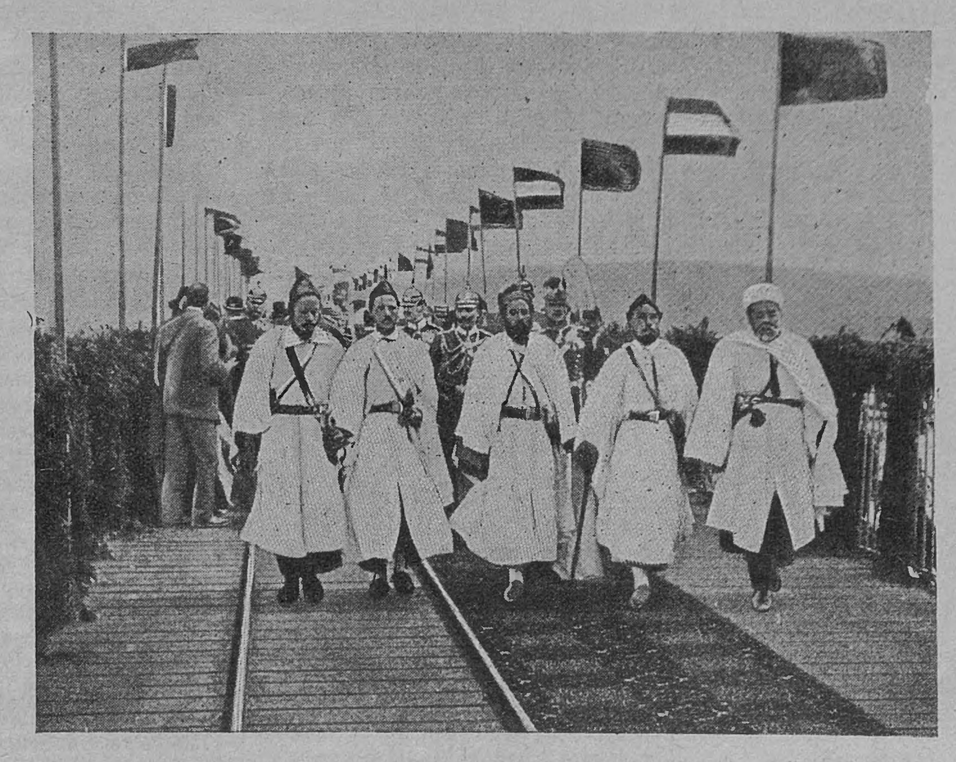
Фонтанъ, выбрасывающій въ сутки наповерхность земли полмилліона пудовъ нефти, рѣзня 6 — 9 февраля, одна десятая всероссійскаго бюджета, создаваемая Россіи доходами отъ Баку—все это достопримѣчательности, какихъ вы не встрѣтите нигдѣ, кромѣ Баку.

Но всѣ эти достопримѣчательности стушевываются передъ фигурою Гаджи.

Ему за 70 лѣтъ, но на видъ всего лѣтъ сорокъ. Онъ знаетъ все. Поддерживаетъ разговоръ на всякую тему. Плохо владѣя русской рѣчью, онъ улавливаетъ всѣ тонкости спора общества въ 18 человѣкъ. Во всякомъ вопросѣ беретъ быка прямо за рога, и всякій спорный вопросъ разрѣшаетъ фактами. Для мусульманъ это оракулъ. Но мусульмане прямо преклоняются предъ его умомъ.

Князь Шахро Андрониковъ, одинъ изъ милѣйшихъ людей и серьезный знатокъ Кавказа, говорилъ мнѣ:

Гаджи хватитъ васъ своимъ умомъ. Вы убѣдитесь, какой это великанъ!

Торжественная процессія въ Танжерѣ по случаю прибытія германскаго императора.

Я убѣдился въ первые полчаса.

Гаджи истый бакинецъ. Онъ самъ нажилъ свои милліоны. Нажилъ ихъ въ Баку и массу дѣлаетъ для своего города; у него множество стипендіатовъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, онъ создалъ много школъ, женское училище, механическое училище, русскую газету въ Баку. Это одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ умовъ, свѣтлыхъ, съ широкимъ міровоззрѣніемъ.

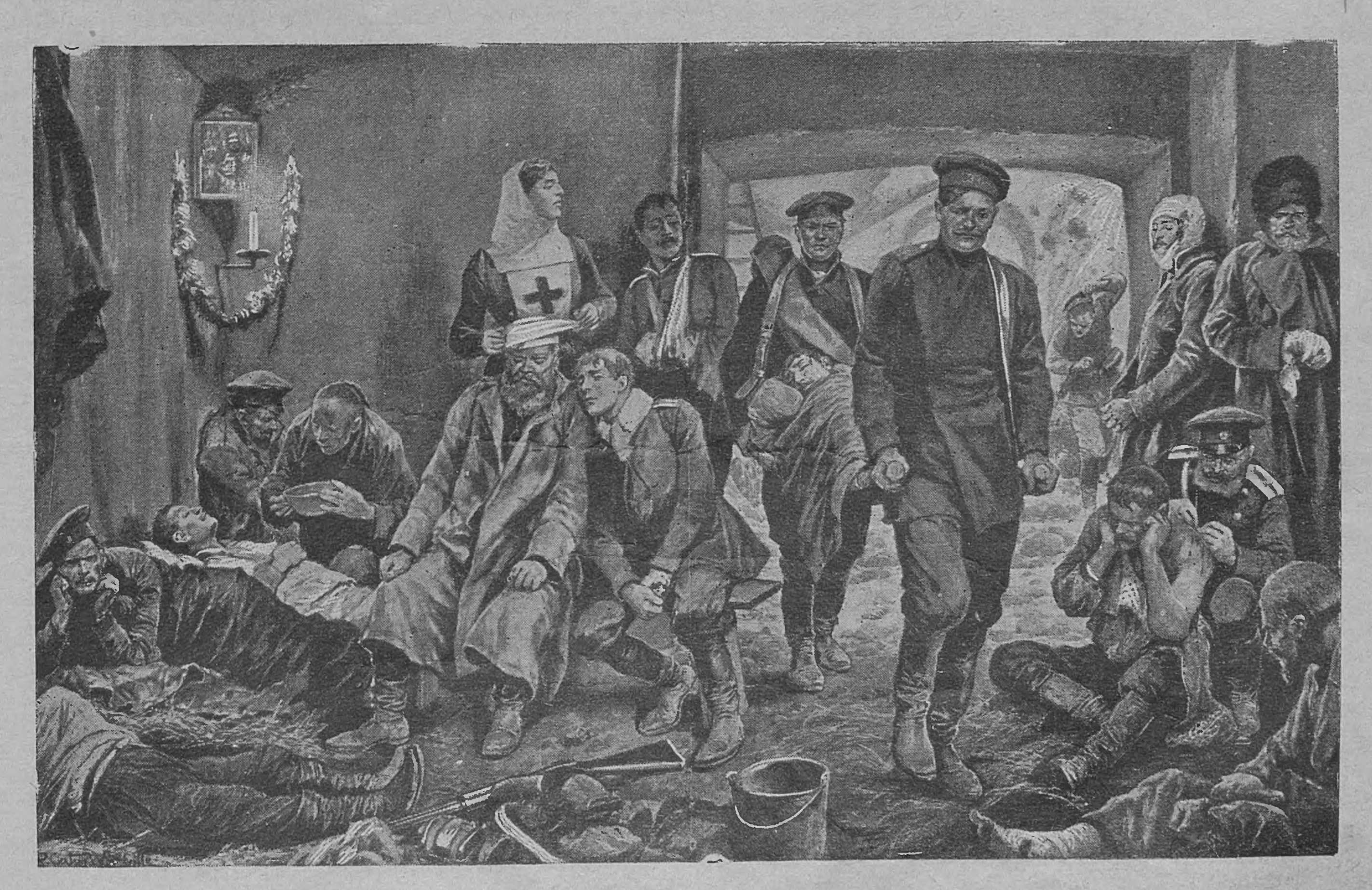
Среди пришлаго населенія есть много милліонеровъ. Но нѣтъ ни одного, приблизительно равнаго Гаджи Зейналъ Тагіеву.

Если бакинскіе... пожалуй, всѣ кавказскіе мусульмане проявятъ на практикѣ всѣ свои врожденныя способности,—то этимъ русское общество будетъ обязано Гаджи Тагіеву. Это онъ руководитъ эволюціей мусульманской жизни на Кавказѣ. Это онъ требуетъ широкаго умственнаго развитія и строгой лояльности.

А слово Гаджи для мусульманъ Баку законъ.

Гаджи истый бакинецъ. И всѣ мѣстные мусульмане истые бакинцы. Они очень благодарны армянамъ за развитіе бакинской промышленности. Но убѣждены, что миновало время, когда христіанинъ могъ безнаказанно обижать татарина. Очень возможно, что на аренѣ этого сознанія и разыгралась кровавая бакинская драма. Возможно, этимъ и объясняются слова Израфель Гаджіева, что „кто-то“ научилъ бакинскихъ мусульманъ иначе нанимать свои человѣческія права. Конечно, тотъ кто „научилъ“ не руководился общечеловѣческими принципами „права личности“. И потому оказалось возможнымъ создать „бакинскія событія“.

Суммируя свои бакинскія впечатлѣнія, я какъ-то далеко отодвинулъ одно впечатлѣніе,

Въ походномъ лазаретѣ на поляхъ Манчжуріи.

Съ наброска англійскаго корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“

какъ-будто доминирующее надъ всѣми остальными:

Бакинская промышленность...

Одинъ очень остроумный бакинецъ изъ пришлыхъ, директоръ общества „Кавказъ", М. Б. Паппе, сказалъ мнѣ:

— Бакинская промышленность? Въ Баку нѣтъ промышленности... Въ Баку есть азартная игра...

М. Б. Паппе правъ. Правъ по существу: въ Баку въ мѣсяцъ создаются колоссальныя богатства и въ мѣсяцъ создаются колоссальныя несостоятельности.

Идетъ буреніе удачно — милліоны. Неудачно—банкротство.

Директоръ „Кавказа" правъ и принципіально:

Какая можетъ быть промышленность въ... гостиницѣ?

Здѣсь какъ въ Монако...

Я былъ на „промысловой площади". На нѣсколькихъ десяткахъ десятинъ земли, дающихъ Россіи одну десятую россійскаго бюджета.

Боже мой, какая тамъ грязь! Я отказываюсь понимать, какъ населеніе „промысловой площади" не вымираетъ отъ холеры или тифа.

Работа идетъ день и ночь, безъ перерыва. Работаютъ въ Свѣтлое Воскресенье и Новый годъ, работаютъ 365 дней въ годъ, если годъ не високосный.

Кругомъ грязь, гадость, мерзость. Люди — какія-то живыя машины. Работаютъ одни мужчины... Развратъ, не поддающійся описанію.

Предприниматель неистовствуетъ за всякую просроченную минуту. Онъ правъ, ему некогда: онъ стремится скорѣе попасть изъ гостиницы къ роднымъ пенатамъ, въ гротъ Тифлиса, Петербурга, Парижа...

Или, если разориться, то разориться скорѣе.

Гдѣ тутъ думать о сносныхъ условіяхъ жизни людей, обязанныхъ за 17—21 рубль въ мѣсяцъ доставать изъ земныхъ нѣдръ милліоны.

Я поражаюсь, какъ въ Баку могъ возникнуть рабочій вопросъ? Рабочіе въ Баку не люди... это несчастныя, ободранныя лошади, питающіяся хлѣбомъ и зеленью, живущія по 20 человѣкъ въ одной комнатѣ и изъ своего заработка (?!) посылающія въ Персію деньги на пропитаніе семействъ... Это темные, безграмотные, дикіе люди.

И тѣмъ не менѣе, въ Баку создалось огромное и серьезное рабочее движеніе. Очевидно, тьма и убожество не предотвращаютъ рабочихъ стачекъ?..

Даже въ гостиницѣ...

По существу иначе: у бакинскихъ рабочихъ-мусульманъ очень солидныя сбереженія. У амбала, которому вы, безъ его просьбы, готовы подать на улицѣ милостыню,—въ карманѣ всегда 2—3 десятка рублей.

Вотъ основаніе для стойкости.

Тьма... въ буквальномъ смыслѣ слова, какой-то непремѣнный аттрибутъ Баку. Въ гостиницахъ, ресторанахъ, магазинахъ нѣтъ электричества. Положимъ, Баку городъ фотогена. Но на улицахъ Баку, города, вырабатывающаго ежегодно до 200 милліоновъ пудовъ керосину и гдѣ на улицахъ горятъ керосиновые фонари,—на улицахъ темно какъ въ карцерѣ.

Я убѣжденъ, что, освѣти Баку электричествомъ, настоящимъ, а не намекомъ на электричество, — сразу падетъ количество убійствъ, составляющихъ одну изъ непремѣнныхъ особенностей „города милліонеровъ".

Дѣйствительно-ли Баку „городъ милліонеровъ"?

На этотъ счетъ не можетъ быть двухъ мнѣній.

Сваха Островскаго говоритъ:

— У меня, что больше тысячи рублей, — то милліонъ!

Въ Баку думаютъ иначе:

— Что меньше—милліона, то сто рублей.

„Иксъ?.. Какой онъ богачъ! У него какихъ нибудь 600—800 тысячъ"!

И все же Баку не городъ, а гостиница...

Протей.

На берегахъ Вислы.

(Отъ спеціально командированнаго сотрудника).

I.

Въ консисторіи архіепископа.

Варшавскій архіепископъ Попель и его консисторія помѣщаются въ скромномъ домѣ старинной архитектуры, на улицѣ Медовой. Восьмидесятилѣтній глава римско-католическаго духовенства въ Привислинскомъ краѣ не отличается, вообще, крѣпкимъ здоровьемъ; тревожныя событія послѣдняго времени неблагопріятно отразились на его здоровьѣ. По этой причинѣ я не могъ получить у него непосредственнаго свиданія. Каноникъ варшавскаго каѳедральнаго собора и членъ консисторіи Л. Поневчинскій передалъ мнѣ, что его высокопреосвященство обратилъ особенное вниманіе на помѣщенную въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ", 6-го февраля с. г., бесѣду съ митрополитомъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, гр. Шембекомъ.

— Бесѣда эта,—сказалъ мнѣ каноникъ,—исчерпываетъ вопросъ о настоятельныхъ нуждахъ римско-католической церкви въ Россіи. Варшавскій архіепископъ не можетъ, конечно, не присоединиться къ пожеланіямъ, выраженнымъ графомъ Шембекомъ.

— Пожеланія эти относятся, преимущественно, къ области ограниченій, внесенныхъ добавочными законоположеніями въ тѣ права, которыми, на основаніи законодательства, должна бы пользоваться римско-католическая церковь въ Россіи. Бесѣда не касается отношенія католическаго духовенства къ событіямъ, переживаемымъ нынѣ Привислинскимъ краемъ.

— Варшавскій архіепископъ,—отвѣтилъ на этотъ косвенный вопросъ каноникъ Поневчинскій,—снесся уже по этому поводу съ подлежащими властями въ Петербургѣ. Ходатайства его еще не разсмотрѣны, и оглашеніе ихъ, по понятнымъ вамъ причинамъ, было бы преждевременнымъ. Сознавая, однако, что вопросъ объ отношеніи польскаго католическаго духовенства къ переживаемому краемъ историческому моменту не можетъ быть безразличнымъ для русскаго общественнаго мнѣнія, я охотно изложу вамъ свои воззрѣнія, которыя предварительно сообщу его высокопреосвященству.

На слѣдующій день послѣ этихъ предварительныхъ переговоровъ,—воспроизводимыхъ мною для характеристики ультра-дипломатической осторожности, которую проявляютъ, вообще, представители руководящихъ сферъ „на берегахъ Вислы", хотя бы дѣло касалось самыхъ благонамѣренныхъ пожеланій,—каноникъ Поневчинскій высказалъ мнѣ нѣсколько „одобренныхъ архіепископомъ" соображеній.

— Католическое духовенство въ здѣшнемъ краѣ,—сказалъ онъ,—ожидаетъ въ недалекомъ будущемъ отмѣны законодательныхъ ограниченій, какъ явившихся слѣдствіемъ возстанія 1863 года, такъ и изданныхъ позднѣе. Въ настоящее время никто изъ разсудительныхъ людей не думаетъ здѣсь больше о возстаніи. Всякая попытка въ этомъ родѣ была бы на руку лишь элементамъ, стремящимся къ реакціи. Польское католическое духовенство осуждаетъ всякія насильственныя дѣйствія, считаетъ ихъ не только преступными, но и зловредными. Столь же отрицательно относится оно къ тайной пропагандѣ среди народныхъ массъ, которыя, по невѣжеству своему, могутъ быть легко обмануты соблазнительными, но несбыточными обѣщаніями. Нашъ народъ не лишенъ, однако, здраваго смысла. Онъ поймётъ, что его сбиваютъ съ толку и не позволитъ обманывать себя. Народъ всегда сознавалъ и не перестанетъ сознавать, что основою его благосостоянія можетъ быть лишь мирный земледѣльческій трудъ или спокойная работа на фабрикѣ. Католическое духовенство, само собою разумѣется, старается укрѣпить его въ этихъ воззрѣніяхъ. Вліяніе его весьма значительно, но было бы еще благотворнѣе, если бы польскіе священники получили возможность преподавать, безъ всякихъ ограниченій, законъ Божій въ начальныхъ школахъ. Вообще, населеніе края, связанное столькими насущными интересами съ остальными частями Имперіи, ощутитъ всѣ преимущества неразрывнаго единенія съ ними лишь съ того времени, когда будутъ отмѣнены разныя исключительныя и ограничительныя мѣры.

Мнѣніе каноника, приводимое мною въ точномъ переводѣ, отличается, при своей немногословности, совершенною опредѣленностью. Оно отражаетъ настроеніе не только чрезвычайно вліятельнаго въ краѣ католическаго духовенства, но и всѣхъ, вообще, единомышленныхъ съ нимъ, мирныхъ слоевъ польскаго населенія. Пожеланія ихъ въ значительной степени осуществимы и, дѣйствительно, направлены къ единенію съ благожелательной Россіей, въ которой поляки такого образа мыслей видятъ единственный оплотъ противъ германизаторскаго нашествія. Насколько распространены надъ Вислой подобныя воззрѣнія, покажутъ дальнѣйшія мои бесѣды съ наиболѣе выдающимися представителями здѣшнихъ вліятельныхъ сферъ и польской интеллигенціи.

II.

Бесѣда съ Генрикомъ Сенкевичемъ.

Знаменитый авторъ „Камо грядеши" принялъ меня, несмотря на свое недомоганіе. Прекрасное, выразительное лицо его, хорошо знакомое русской публикѣ по множеству снимковъ, напечатанныхъ въ нашихъ журналахъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время торжественнаго празднованія его юбилея, поразило меня своимъ скорбнымъ выраженіемъ. Только глаза смотрятъ попрежнему, бодро и проникновенно.

Я съ первыхъ же словъ коснулся оглашеннаго въ русской печати „Открытаго письма Генрика Сенкевича" по школьному вопросу.

— Письмо ваше, глубоко прочувствованное и проникнутое истиннымъ гражданскимъ мужествомъ, — сказалъ я, — направлено исключительно къ освобожденію польскаго учащагося юношества отъ мучительной для него „обрусительной" школы. Вопросъ этотъ, при всей своей многозначительности, составляетъ, однако, лишь часть болѣзненно назрѣвшаго и выдвинутаго событіями на первый планъ общаго вопроса о польско-русскихъ отношеніяхъ.

— Дѣятельность моя всецѣло посвящена литературѣ, — возразилъ г. Сенкевичъ, — съ областью политическихъ явленій она соприкасается лишь косвенно. Необходимо какое-нибудь точно опредѣленное, вполнѣ конкрет-

ное общественное явленіе, чтобы я отозвался на него своимъ словомъ. Тяжелое положеніе польскаго учащагося юношества принудило меня къ попыткѣ разъяснить, насколько господствующая нынѣ въ Царствѣ Польскомъ образовательная система противорѣчитъ не только элементарнымъ понятіямъ о справедливости, но и насущнымъ интересамъ самой Россіи. Безполезно озлобляя польскую школьную молодежь, она вовсе не достигаетъ и своей тенденціозно-полицейской цѣли. Кромѣ того, она, вообще, затрудняетъ развитіе народнаго образованія въ Царствѣ Польскомъ, понижаетъ общій уровень культуры. Въ 1828 — 1867 г., когда въ краѣ дѣйствовала еще польская школа, процентъ учащихся былъ выше, чѣмъ въ настоящее время. За семьдесятъ пять лѣтъ польское народное образованіе не сдѣлало ни шага впередъ; мало того—оно регрессируетъ. Такое глубоко-прискорбное явленіе не можетъ не нарушать и обще-государственныхъ интересовъ Россіи.

— Не полагаете-ли вы, что положеніе вещей быстро измѣнилось бы къ лучшему, если бы краю было предоставлено мѣстное самоуправленіе?

— Не далѣе, чѣмъ къ осени, открылось бы до пяти тысячъ начальныхъ школъ. Немедленно возвратились бы къ правильной дѣятельности и всѣ закрытыя нынѣ среднія и высшія учебныя заведенія. Насколько вредна дѣйствующая педагогическая система—вы можете судить хотя бы по этой ученической тетради.

Знаменитый романистъ показалъ мнѣ простую школьную тетрадку, разграфленную по двѣ линейки. Между ними колеблющимся дѣтскимъ почеркомъ вписаны слова польской диктовки, исправленныя р у с с к и м ъ учителемъ.

— Нѣкоторыя поправки, — съ горечью произнесъ г. Сенкевичъ, — внесены невѣрно. А вотъ, здѣсь не исправлена путаница въ буквахъ: ученикъ въ одномъ и томъ-же словѣ пишетъ букву „р“ то по-польски, то по-русски. Такъ же путаются въ его начертаніи русское „т“ и польское „м“, изображаемыя одинаково. Въ концѣ концовъ, ученикъ не выучивается писать ни по-русски, ни по-польски.

Приходъ доктора, постоянно навѣщающаго знаменитаго писателя, прервалъ нашу бесѣду. Нервный, отзывчивый, онъ, повидимому, глубоко воспринимаетъ недомоганія родного края, былая слава котораго воспроизведена имъ въ такихъ яркихъ образахъ.

К. Льдовъ.

Контръ-стачечникъ Ферлей.

(Изъ нравовъ свободной Америки).

Нигдѣ капиталистическое производство, со всѣми его крайними проявленіями, не достигло такого развитія, какъ въ великой заатлантической республикѣ. И нигдѣ, въ соотвѣтствіи съ этимъ, нельзя встрѣтить такой образцовой организаціи предпринимательскихъ трестовъ, съ одной стороны, и рабочихъ союзовъ—съ другой. Борьба послѣднихъ съ представителями капитала не прекращается, хотя и рѣдко принимаетъ острыя формы и почти никогда не вырождается въ безпорядки или массовое столкновеніе. Для этого американскій рабочій слишкомъ развитъ политически, а предприниматель—слишкомъ хорошо знаетъ свои интересы. Стачки являются совершенно законной, даже единственно законной формой отстаиванія своихъ интересовъ рабочими союзами, и объявляются послѣ того, какъ исчерпаны всѣ пути соглашенія на началахъ выставляемыхъ рабочими требованій. Организація рабочихъ располагаетъ значительнымъ, накопляемымъ безпрерывно фондомъ для поддержки своихъ, лишенныхъ заработка, сочленовъ, а предприниматели, хорошо зная объ этомъ, не могутъ не считаться съ самою угрозою забастовать. Къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ желающихъ работать товарищей стачечникамъ не приходится прибѣгать, такъ какъ, съ одной стороны, высокое сознаніе рабочихъ не позволяетъ имъ выступать противъ рѣшенія товарищей, солидарность интересовъ которыхъ съ ихъ собственными имъ совершенно ясна, съ другой же стороны, нѣтъ повода мѣшать успѣху стачки, разъ безработица никого не ставитъ лицомъ къ лицу съ непокрытой нуждой.

Но есть одна отрасль труда, въ которой стачка особенно чувствительна для всего американскаго общества. Это—пути сообщенія. Легко себѣ представить, что чѣмъ оживленнѣе темпъ общественной и промышленной жизни, чѣмъ развитѣе и богаче народъ, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаютъ для него пути сообщенія, являющіеся истинными венами и артеріями соціальнаго организма. Въ странѣ же, гдѣ давно уже стала общимъ лозунгомъ поговорка: время — деньги, въ такомъ городѣ, какъ Нью-Іоркъ, гдѣ земля цѣнится, буквально, чуть не на вѣсъ и гдѣ, вслѣдствіе этого, огромное большинство населенія живетъ на окраинахъ и за-городомъ, исключительно въ расчетѣ на превосходное желѣзнодорожное сообщеніе, — въ такомъ городѣ, разумѣется, стачка желѣзнодорожныхъ служащихъ является одною изъ самыхъ непопулярныхъ, затрагивая насущные интересы почти всего населенія. Этимъ, вѣроятно, объясняется самая возможность появленія такого удивительнаго, чисто-американскаго продукта, какимъ слѣдуетъ признать „контръ - стачечника“ Джемса Ферлея.

Ферлей,—предприниматель, къ которому прибѣгаютъ за помощью желѣзнодорожные короли Нью-Іорка, когда рабочіе объявляютъ стачку. Обладая удивительнымъ организаторскимъ талантомъ, Ферлей располагаетъ постоянно цѣлой арміей людей, готовыхъ, по его слову, стать на работу во всѣхъ отрасляхъ желѣзнодорожнаго дѣла. Желѣзнодорожники, такимъ образомъ, въ уступкахъ своимъ рабочимъ, требующимъ, напримѣръ, повышенія платы или улучшенія условій труда, должны считаться не съ необходимостью быть вынужденными пріостановить движеніе и понести неисчислимые убытки, а съ другой, гораздо легче поддающейся учету: что выгоднѣе, что дешевле—пойти на уступку, или заплатить Ферлею „гонораръ“ за его содѣйствіе и опредѣленную плату его рабочимъ?

Ферлей является подрядчикомъ, не только имѣющимъ постоянно наготовѣ кадры вполнѣ обученныхъ рабочихъ для замѣны забастовщиковъ, но и до извѣстной степени—страхователемъ отъ стачекъ въ той отрасли, какую онъ себѣ отмежевалъ. Зачастую достаточно одного и м е н и его, чтобы прекратить начинающуюся забастовку въ самомъ началѣ. И, разумѣется, Ферлей слишкомъ американецъ, чтобы не эксплуатировать своей репутаціи. Разъ онъ пріѣхалъ и разъ вообще съ нимъ повели переговоры, то, хотя бы стачка уладилась безъ содѣйствія его рабочихъ,—„гонораръ“ ему долженъ быть выплаченъ. И этотъ гонораръ достигаетъ внушительной цифры. Такъ, за улаженіе стачки въ С.-Франциско онъ взялъ 30,000 долларовъ; въ небольшомъ сравнительно городкѣ Торенто (въ Канадѣ) онъ за прекращеніе стачки получилъ 10,000 долларовъ; въ Нью-Іоркѣ же, гдѣ какъ разъ теперь идетъ общая забастовка служащихъ городскихъ надъ- и подземныхъ желѣзныхъ дорогъ, Ферлей получаетъ по 5 долларовъ въ день за каждаго своего рабочаго. О доходахъ этого оригинальнаго предпринимателя можно судить по тому, что его „армія“, мобилизовать которую онъ въ состояніи въ одинъ день, доходитъ до 35—40 тысячъ человѣкъ. Мало того: до 50 крупныхъ городскихъ желѣзнодорожныхъ обществъ Америки находятъ для себя выгоднымъ платить Ферлею постоянное „жалованье“, чтобы такимъ образомъ быть застрахованными отъ возможности пріостановки движенія по принадлежащимъ имъ линіямъ.

Ферлей увѣряетъ, что онъ вовсе не врагъ рабочихъ союзовъ: онъ лишь регуляторъ, мѣшающій имъ предъявлять чрезмѣрныя, неисполнимыя требованія, и притомъ только въ области, гдѣ забастовка гибельно отражается на всѣхъ прочихъ отрасляхъ производства и промышленной жизни. Все это, конечно, не мѣшаетъ членамъ рабочихъ организацій ненавидѣть отъ глубины души Ферлея, который по праву носитъ кличку „грозы рабочихъ“.

Характерно, однако, что Ферлей является въ своемъ родѣ исключеніемъ даже въ Америкѣ. Ни въ какомъ другомъ производствѣ такихъ предпринимателей нѣтъ, да и возможно, что для нихъ не нашлось бы „матеріала“: армія Ферлея, вѣроятно, представляетъ совокупность почти всѣхъ элементовъ, такъ или иначе испытавшихъ неудачу въ организованныхъ стачкахъ и поэтому предпочитающихъ держаться за своего главу. И для того, чтобы ихъ сдерживать и направлять, нужны организаторскій талантъ Ферлея, его желѣзная воля и мудрая заботливость о всѣхъ мелочахъ быта и жизни состоящихъ у него на службѣ рабочихъ,—заботливость, доходящая до содержанія собственныхъ поваровъ, парикмахеровъ и т. д., на случай, когда рабочимъ массамъ приходится жить въ наскоро сколоченныхъ баракахъ.

Началъ Ферлей съ малаго и всего въ 1895 году. Теперь лучшіе призы на всѣхъ крупнѣйшихъ ипподромахъ Америки берутъ рысаки Ферлея, за нимъ считаютъ нужнымъ ухаживать милліардеры, не столько, впрочемъ, изъ уваженія къ его богатству, сколько изъ желанія заручиться благоволеніемъ „нужнаго“, полезнаго человѣка...

Нью-Іоркъ.
Мартъ 1905 г. *М. Г.*

ЕЩЕ О ГРАФИНѢ МОНТИНЬОЗО.

По поводу послѣднихъ скандальныхъ слуховъ о жизни Луизы Саксонской въ Италіи, графъ Карло Гвиччіардини прислалъ изъ Флоренціи слѣдующее письмо въ редакцію „Münchner Neueste Nachrichten“:

„Мнѣ глубоко противно перечислить всѣ тѣ клеветническіе и просто ложные слухи, какіе за послѣднее время распространялись на мой счетъ въ связи съ именемъ ея королевскаго высочества Луизы Саксонской (графини Монтиньозо). Могу лишь заявить, что отношенія, какія я имѣлъ честь поддерживать съ ея высочествомъ, постоянно оставались въ предѣлахъ самой строгой корректности, и весь скандалъ возникъ изъ-за предположеній нѣкоторыхъ служащихъ, возбужденныхъ и подзадоренныхъ лицами, въ интересахъ которыхъ было затруднить возвращеніе принцессы въ Саксонію. Всѣ эти грубыя махинаціи даютъ понятіе о томъ, жертвой какихъ происковъ ея высочество была въ недалекомъ прошломъ“.

Подпор. 23-го сибирскаго полка
А. Н. Ѳедоровъ,
раненный подъ Мукденомъ.

Капитанъ 284-го чембарскаго полка
К. А. Дубенко,
раненный подъ Мукденомъ.

Поруч. 10-го пѣхотн. омскаго полка
М. Б. Ефимовъ,
раненный подъ Мукденомъ.

Капитанъ 98-го пѣх. юрьевскаго полка
С. А. Глинскій,
контуженный подъ Мукденомъ.

Кап. 285-го мценскаго полка
П. Юдинъ,
остался на полѣ сраженія въ бою подъ Мукденомъ.

Поруч. 149-го пѣх. варайскаго полка
Н. Н. Ивановъ,
раненный въ бою подъ Мукденомъ.

Прапорщикъ 98-го юрьевскаго полка
Р. В. Пастуховскій,
раненный въ бою подъ Мукденомъ.

Поручикъ 9-го сибирскаго полка
І. Ф. Дорожинскій,
убитый въ бою подъ Мукденомъ.

Шт.-кап. 99-го ивангородскаго полка
П. П. Бровковичъ,
контуженный въ бою у Мукдена.

Подпор. 18-го сибирскаго полка
А. А. Даниловъ,
убитый въ бою подъ Мукденомъ.

Подпоручикъ 4-го сибирскаго полка
А. А. Гробачевскій,
трижды раненный у Сахепу.

Поручикъ 99-го ивангородскаго полка
К. Ю. Лашкевичъ,
контуженный въ бок подъ Мукденомъ.

Кап. 35-го сибирскаго полка
Ф. Л. Олендзскій,
раненный въ бою у Сандепу.

Подпор. 36-го орловскаго полка
А. С. Миганъ,
скончался въ лазаретѣ на ст. Спасской.

Шт.-кап. 35-го сибирскаго полка
Е. А. Сальковъ,
раненный у Сандепу,

Подпор. 5-го сибирскаго полка
В. И. Водинскій
скончавшійся отъ ранъ.

Шт.-кап. 34-го сибирскаго полка
М. Чекотовскій,
раненный у Сандепу.

Кап. 98-го юрьевскаго полка
М. С. Подгурскій,
раненный подъ Мукденомъ.

Подп. 20-го стрѣлк. полка
С. В. Кондратьевъ,

Пор. артилл. 1-го сибирскаго корпуса
А. Климовичъ.

Пор. 54-го минскаго полка
Станкевичъ.

Капит. 54-го минскаго полка
В. И. Кокоша.

Раненые въ бою подъ Мукденомъ.

Капит. 54-го минскаго полка
А. М. Юрьевъ.

Подпор. 1-го сибирскаго полка
П. Н. Байдакъ.

Убитые въ бою подъ Мукденомъ.

За редактора Владимиръ Бонди. Тип. „БИРЖ. ВѢД.“ (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская, соб. д. № 25. Издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣд.“ С. М. Пропперъ.